

За одну ночь дядя разительно переменялся — весь так и светился от счастья. Тетушка Сюнян скромно следовала за супругом. Первым делом новобрачные поклонились двум деревянным поминальным табличкам дедушки и бабушки Дин Тяня, выказав им почтение, и лишь затем чинно усадились. Дин Тянь выступил вперед и почтительно поприветствовал дядю и его молодую жену.

— Сюнян, знакомься, это наш племянник, — непринужденно представил их друг другу Ху Вэй.
— Он служит главным тюремщиком в уездной управе. Мы все зовем его Тянь-эр. Из всей моей родни он мне ближе и дороже всех.

— Здравствуйте, тетушка, — Дин Тянь церемонно сложил ладони перед грудью в уважительном приветствии.

Тетушка Сюнян вконец растерялась, не зная, куда деть руки, и едва слышно, словно писк комара, прошептала:

— Полно тебе... Здравствуй.

Ху Вэй с напускной строгостью зыркнул на племянника:

— Ну и что ты устроил? Решил напугать мою жену своими чиновничьими замашками?

Дин Тянь и сам спохватился, едва опустив руки. Действительно, вышло глуповато: к чему разыгрывать служебный этикет перед родней?

— Привык в управе ко всяким формальностям, вот и сорвалось с непривычки, — он смущенно почесал затылок и широко, по-мальчишески улыбнулся.

Дядя лишь покачал головой, не зная, сердиться ему или смеяться над этой обезоруживающей непосредственностью.

Тетушка Сюнян, однако, подготовилась к этой встрече загодя. В качестве подарка она преподнесла племяннику добротный новый кафтан и пару теплых, искусно сшитых стеганых сапог. Хотя виделись они впервые в жизни, женщина явно выведала где-то мерки Дин Тяня. И одежда, и обувь сидели на нем как влитые.

— Спасибо огромное, тетушка! — Дин Тянь уже вовсю освоился в роли младшего родственника и чувствовал себя на удивление легко.

— Вы поговорите пока, — робко вставила тетушка Сюнян, — а я пойду на кухню, помогу тетушке Цуй с обедом. Тянь-эру ведь еще в дорогу собираться.

Она прекрасно понимала, что завтра племяннику заступать на службу, а значит, возвращаться в город ему нужно уже сегодня.

С этими словами тетушка Сюнян поспешила в кухонную пристройку.

Оставшись наедине, дядя и племянник завели неторопливый разговор, который вскоре предсказуемо свернул на самую болезненную тему — налоги.

— И что, от господина Ма по-прежнему никаких известий? — нахмурился Ху Вэй.

Новый уездный судья вызывал у старого учителя искреннюю неприязнь. Семья у него вечно пребывала в раздорах, а до нужд простых людей чиновнику и дела не было.

— Никаких, — сокрушенно вздохнул Дин Тянь. — Наш почтенный уездный судья, похоже, окончательно решил, что женские прелести куда важнее государственных забот.

Каждое божье утро у него в покоях разыгрывается одно и то же представление: то он утешает плачущую наложницу, то заигрывает со служанками, то затевает очередную ссору с законной супругой, чтобы к вечеру бурно с ней помириться, а назавтра начать все сначала. Ну что за недоразумение, а не правитель!

— А как же префект Ду? — спросил дядя, надеясь на вмешательство вышестоящих властей.

— И из управы префекта — ни слуху ни духу, — признался Дин Тянь.

Перед регистратором Сюй он старался держать лицо и бодриться, но близкому человеку мог открыть свои истинные опасения.

— Ладно бы просто молчали, но ведь даже ни одного мелкого писца не прислали разузнать, что здесь творится. Это очень странно. К тому же господин Ма держится на удивление уверенно, словно за его спиной стоит надежная защита. Не кроется ли за всем этим какой-то заговор, о котором мы даже не догадываемся?

Как ни крути, Дин Тянь служил лишь главным тюремщиком в глухом уезде, и столичные новости до него не доходили. Какая буря бушевала в управе префекта и почему господин Ду забросил дела окраин — оставалось только гадать.

— Вот и верь после этого чиновникам, — горько усмехнулся Ху Вэй, и в его голосе прозвучало глубокое разочарование.

— Не думаю, дядя, — возразил Дин Тянь. — Жители уезда поднесли префекту Ду «зонтик народной благодарности». Это не просто знак почтения, а крепкие узы. Префект не может

совсем забыть эти края, откуда началось его восхождение. Наверняка его задержали какие-то неотложные дела государственного масштаба.

В глубине души Дин Тянь понимал: даже если префект Ду не отличался кристальной честностью, законы эпохи обязывали его дорожить репутацией и оказывать покровительство месту, где он некогда завоевал народную любовь.

Для ученого мужа доброе имя — дороже золота. Приняв «зонтик народной благодарности», господин Ду взвалил на свои плечи бремя, от которого не освободиться до конца дней. Даже если судьба забросит его на край поднебесной, во время великих праздников он будет обязан слать поклоны и щедрые дары жителям уезда Бычьего Рога. Десять лет службы здесь намертво связали его имя с нашими краями.

Слова племянника вернули Ху Вэю душевное равновесие. Как раз к этому времени тетюшка Сюнян позвала их к столу.

Дядя, как истинный книжник, прежде чем взяться за палочки, благоговейно продекламировал старинные стихи:

— На третий день идет невестка в кухню,

Готовит суп, помыв усердно руки.

Не зная вкусов строгой свекрови,

Она несет стряпню сестре супруга.

Он с улыбкой посмотрел на смутившуюся жену и продолжил:

— Старших в нашем доме нет, но зато есть младший родственник. Сестры у меня тоже не осталось, так что сегодня именно нашему племяннику выпала честь первым отведать твои угощения.

— Надо же, стихи Ван Цзяня о новобрачной! — рассмеялся Дин Тянь. — Ну и балуете же вы свою суженую, дядя!

Он с удовольствием пододвинул к себе пиалу и принялся за еду.

Поскольку хозяйка вошла в дом только вчера, а свадебные припасы еще не иссякли, стол ломился от яств. Сюнян вместе с тетюшкой Цуй наварили нежного пшеничного супа-каши, подогрели пышные паровые хлебцы из двух сортов муки, мелко нарезали оставшуюся от пира запеченную курицу, а сочную свиную грудинку нарезали тонкими ломтиками — подав к ней острую чесночную подливку. Маринованные овощи они нашинковали тонкой соломкой, быстро обжарили в масле и перед подачей сбобрили свежим зеленым луком и ароматным кунжутным маслом.

Для простого утреннего перекуса стол был поистине царским. Дин Тянь уплетал за обе щеки и не скупился на похвалу:

— До чего же вкусно! У вас золотые руки, тетушка. Моему дяде несказанно повезло.

— Раз тебе по душе, приходи к нам почаще, — сияя от гордости за супруга, отозвался Ху Вэй. — Сюнян всегда приготовит для тебя что-нибудь особенное.

— Ловлю вас на слове! — задорно подмигнул Дин Тянь. — Главное, чтобы я вам не надоел.

— Уж тебе-то надоест, балагуру, — беззлобно ворчал дядя, заботливо подкладывая ему в тарелку сочный окорочок. — Ешь давай, а как набьешь брюхо — сразу в путь. Службу оставлять без присмотра нельзя, тем более при нынешнем начальнике. Нрав у него, прямо сказать... Эх, да что говорить!

Досыта наевшись и тепло распрощавшись с родными, Дин Тянь погрузил в повозку щедрые подарки тетушки и покатил обратно в город.

В уездной управе царил привычный сонный покой. Да и какие великие дела могли случиться в маленьком приграничном городке? Отметившись у писаря о возвращении со службы, Дин Тянь столкнулся с регистратором Сюй, лицо которого было чернее тучи.

— Беда, Тянь-эр, — вполголоса произнес старик. — Наш новый начальник все-таки запустил загребущую лапу в государственную казну.

— Уже? — нахмурился Дин Тянь. — Какая поразительная... прыть.

— И предлог нашел благовидный, — сокрушался регистратор Сюй. — Якобы из управы префекта пришел строгий приказ: немедля составить ведомости, а все собранное зерно отправить прямиком в Северный военный лагерь для нужд армии. Серебро же велел запереть в сундуках до весенней капли, чтобы потом скопом отвезти в губернию. Но зерно... Ох, сколько же они разворуют по дороге!

Было очевидно, что те излишки, которые нещадно выжали из перепуганных крестьян сверх законной меры, осядут в карманах уездного судьи Ма и его прихвостней.

— Ну так отдайте ему всё, — спокойно пожал плечами Дин Тянь. — Подумаешь, зерно да серебро. Хуже всего, когда казна лежит мертвым грузом — тогда никого ни за руку поймать, ни в воровстве уличить. Пусть берет. Нам только того и надо, чтобы он начал действовать. Как только чинуша запустит лапу в амбары — тут мы его и сцапаем.

— Твоя правда... — Глаза старого регистратора хитро блеснули, он мгновенно уловил суть. — Верно говоришь! Раз уж дело сдвинулось с мертвой точки...

Попрощавшись со старым Сюй, Дин Тянь направился к себе. Ночью, ворочаясь на жесткой постели, он невольно размышлял о том, что людские пороки не меняются веками — хоть в далеком будущем, хоть в этой полузабытой древности чиновничья алчность везде одинакова. Наконец сон сморил его, увлекая в круговорот туманных, тревожных видений.

Дни становились все холоднее, а строительство нового дома Дин Тяня благополучно подошло к концу. По меркам здешних мест отделка была делом нехитрым: побелили стены известью — вот и вся красота. Скромную мебель тоже расставили по местам. Когда на землю лег первый пушистый снег, Дин Тянь решил устроить пышное новоселье и пригласил всю округу «согреть очаг».

Из деревни привалила целая толпа. Земляки искренне радовались за Дин Тяня, ведь теперь у каждого из них при поездке в город появился надежный приют, где можно было остановиться на ночлег. Гости шумели, поздравляли хозяина и охотно тянулись к вину.

Угощение Дин Тянь приготовил знатное: заколол двух упитанных баранов, нарубил их крупными кусками и томил в огромных котлах вместе с сочной редькой и жгучим сушеным перцем. Ароматная похлебка вышла на славу. К ней подавали горы свежих паровых хлебцев и крепкое хлебное вино — хозяин выставил целых пять пузатых глиняных кувшинов. Даже сам уездный судья Ма прислал на новоселье подарки — два отреза добротного льняного полотна и половину свиной туши.

Подношение по местным меркам было поистине царским, так что Дин Тяню пришлось передать слугам господина самые нижайшие благодарности, пусть даже они и были чисто притворными.

— Ткань на редкость прочная, да и цвет приятный, — примериваясь к отрезам, рассуждала хозяйственная вторая тетушка, госпожа Дин Ян. — Сошьем-ка мы тебе, Тянь-эр, плотный полотно на входную дверь, чтобы зимнюю стужу в дом не пускал. Да и на окна занавеси приладить не мешает.

Подаренную свинину разделали, щедро пересыпали крупной солью, обернули чистой мешковиной и подвесили на крепких веревках за кухонным окном. В такую пору на севере стояли знатные морозы, так что мясо на свежем воздухе могло храниться бесконечно долго, со временем становясь лишь нежнее и солонее.

Отпраздновав как следует, дядя засобирались обратно в деревню. Им предстояло продать излишки зерна, чтобы запастись звонкой монетой на зиму, а затем запереться по домам на время затяжных метелей. Зимой крестьяне носа из деревни без нужды не показывали.

Лавка Дин Тяня к тому времени была полностью готова к открытию.

На следующий же день после новоселья в уездной управе забурлила жизнь — туда прибыли неожиданные гости. Шумная кавалькада из двух десятков человек сопровождала холеного юношу, которого слуги подбострастно величали Третьим молодым господином.

— Это еще что за птица? — любопытствовал Дин Тянь у Линь Ци, который всегда первым узнавал все городские сплетни.

— Говорят, двоюродный брат супруги нашего судьи, — заговорщически прошептал Линь Ци. — Явился в наши края за легкой наживой. Торговать собирается. Уже и просторное помещение в центре города выкупил, сейчас всю ищет приказчиков да грузчиков.

— Шустро же он развернулся, — хмыкнул Дин Тянь. — И чем же заезжий барин торговать изволит?

— Слышал, будто зерновую лавку открывает, — пояснил Линь Ци. — А ведь и правда, у нас в уезде отродясь не было приличного хлебного амбара, где зерно продавали бы в розницу.

Дин Тянь мысленно согласился. Крестьяне обычно торговали излишками прямо с телег на площади, так что постоянная зерновая лавка была отличным делом.

— Умный ход, — одобрил он. — На хлеб спрос будет всегда.

— Хорошего мало, — недовольно сплюнул Линь Ци. — Говорят, этот столичный хлыщ спелся с семейством Гао. Решили оформить лавку на них, чтобы под шумок уйти от налогов. Кто же посмеет собирать подати с молодого господина Гао, раз уж он у нас целый сюцай!

«Молодой господин Гао?» — у Дин Тяня невольно дернулась бровь.

Семья Гао... Та самая, чей сынок увел у прежнего владельца этого тела суженую, доведя бедолагу до безвременной кончины. Дин Тянь, занятый обустройством собственной жизни, почти не выходил в город и совершенно позабыл и о неверной девице Чэнь, и о спесивых Гао. И надо же было столкнуться с ними вновь!

— Постой, — удивился он. — Но ведь молодой господин Гао — сюцай. Как закон позволяет ему опускаться до низкого купеческого ремесла?

В этой реальности торговля считалась презренным делом. Купцы стояли на самой низшей ступени сословной лестницы, а их детям и внукам на три поколения вперед закрывался путь к государственным экзаменам.

— А кто его разберет? — с завистью протянул Линь Ци. — Семья Гао — первейшие богачи в уезде. На прошлый праздник их глава самолично приезжал к нашему новому судье с поклоном. Говорят, поднес конверт состами лянми серебра! С такими деньгами любой закон можно обойти.

— Погоди-ка, я припоминаю... — Дин Тянь прищурился, восстанавливая в памяти обрывки чужих воспоминаний. — У них ведь и раньше имелась своя лавка, верно? Помнишь, «Зерновую

лавку семьи Гао»?

— Еще бы не помнить! — помрачнел Линь Ци. — Скупали у бедных крестьян жито за бесценок в урожайный год, а зимой драли в три дорога. На чужой беде целое состояние сколотили, кровопийцы.

— Вот именно. А стоило врагу подойти к заставе Синего Дракона, как они первыми погрузили добро на телеги и дали стрекача, — усмехнулся Дин Тянь. — И надо же — вернулись и снова лезут в ту же кормушку.

— Что поделать, хлебная торговля — удел богатеев, — вздохнул Линь Ци.

На холодном севере торговля зерном оставалась самым верным делом. Без шелковых халатов прожить можно, а без миски каши — никак.

Семья Гао принадлежала к местной знати. Старого главу уважительно величали «богачом Гао», а его сын, Гао Ян, щеголял званием сюцая, что обеспечивало им почет и уважение во всем уезде. Однако простонародное почтение мало чего стоило перед лицом настоящей власти. Связавшись с родственником уездного судьи, Гао Ян пытался заручиться поддержкой чиновника, прекрасно понимая, что без сильного покровителя их богатство — лишь легкая добыча.

Гао Ян обучался в престижной академии губернского города и отлично знал, как тяжело пробиться без связей. Без могущественного покровителя сдать экзамен на степень цзюйжэня простому провинциальному выскочке было не под силу. По идее, будучи уроженцем уезда Бычьего Рога, он мог бы рассчитывать на благосклонность прежнего судьи, префекта Ду. Но на деле тот при одном упоминании семейства Гао брезгливо кривился и делал вид, что слыхом о них не слыхивал.

Причина этой немилости была проста: когда застава пала и к городу подступил враг, Гао удрали первыми. В их амбарах хранились тонны отборного зерна. Передай они эти запасы оборонявшимся войскам — завоевали бы вечную признательность властей. Но жадность сгубила их.

Старый богач Гао, улучив момент, когда цены взлетели до небес, распродал все запасы подчистую, набил сундуки золотом и сбежал вместе с чадами и домочадцами за двести ли от уезда! Оставшиеся воины истекали кровью на стенах, сражаясь на голодный желудок. Если бы простые крестьяне из окрестных деревень не отдали последнее, пожертвовав даже семенным зерном, город давно сравняли бы с землей.